

ЛИВЫ И ЛИВСКИЙ ЯЗЫК

П. А. АРИСТЭ,
академик АН ЭССР

На территории Латвийской ССР бок о бок с латышами живет немногочисленная народность — ливы, о которых в советской научной литературе мы находим очень мало сведений. В свое время по самоназванию ливов южная часть Эстонской ССР и северная часть Латвийской ССР назывались Ливонией, или Лифляндией.

По данным археологии, территория, которую позднее заняли прибалтийско-финские племена, непрерывно заселялась уже на протяжении последних тысячелетий до н. э. Примерно за 800 лет до н. э. начинают определяться границы между позднейшими племенными группировками. Археологические данные подтверждаются и языковым материалом¹. Ряд существенных черт, отличающих отдельные прибалтийско-финские языки друг от друга, несомненно возник еще в I тысячелетии до н. э. Судя по языковым данным, ливская племенная группировка была одной из древнейших самостоятельных группировок прибалтийских финно-угров. В основном словарном фонде ливского языка имеется много таких слов финно-угорского происхождения, которых не знают другие прибалтийско-финские языки, т. е. эстонский, водский, финский, ижорский, карельский, вепсский. Грамматический строй ливского языка также содержит ряд черт, не известных другим близкородственным языкам. О ливах, как о самостоятельной этнической группировке, говорят также древние письменные источники. Так, например, древнейшая русская летопись «Повесть временных лет» приводит подробные данные о расселении восточных славян и их соседей незадолго до объединения восточных славян под властью киевских князей. В числе соседей восточных славян упомянуты и ливы (ливь)². Гораздо больше сведений о ливах сохранилось в хрониках периода захватнических войн немецких рыцарей в конце XII и в начале XIII века. Именно ливы были первой жертвой экспансии немцев в Прибалтику. Когда были поработаны многие славянские племена, жившие на побережье Балтийского моря, немецкие завоеватели стали

¹ А. Я. Брюсов, Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху, Москва, 1952, стр. 164 и сл.; Н. Моора, Pirmatnējā kopienas iekārta un agrā feodālā sabiedrība Latvijas PSR teritorijā, Rīgā, 1952, стр. 25 и сл.; Х. А. Моора, Вопросы этногенеза народов Советской Прибалтики по данным археологии, Краткие сообщения Института этнографии АН СССР, XII, Москва, 1950, стр. 29 и сл.; П. А. Аристе, К вопросу о развитии ливского языка, Труды Института языкознания АН СССР, IV, Москва, 1954, стр. 254 и сл.; П. А. Аристе, Формирование прибалтийско-финских языков и древнейший период их развития, Вопросы этнической истории эстонского народа, Сборник статей под редакцией Х. А. Моора, Таллин, 1956, стр. 5 и сл.

² Повесть временных лет I. Под редакцией В. П. Адриановой-Перетц, Москва, 1950, стр. 13 и 209.

вторгаться все дальше на восток. Обычно этим вторжениям предшествовало появление немецких купцов и миссионеров.

В 80-х годах XII столетия на берегу Даугавы появились первые постоянные укрепления немцев. Придаугавские, пригауйские, а также прочие ливы, населявшие Ливонию, были поработаны немцами в начале XIII века. Ливы в бывшей Куронии (Курляндии) оказали немецким захватчикам более упорное сопротивление, но в течение XIII столетия и они потеряли свою самостоятельность.

Ливы никогда не были многочисленными. В начале XIII столетия, когда Генрих Латвийский написал свою хронику, они занимали сравнительно небольшую территорию на побережье Рижского залива, от эстонской языковой границы на севере до середины Курземского полуострова. В некоторых местах ливы и латыши или ливы и курши занимали одну и ту же территорию, как, например, на Курземском полуострове, на северном берегу реки Даугавы и отчасти на берегах реки Гауи. Во время захватнических войн особенно сильно пострадали ливские земли, расположенные на север от реки Даугавы, так как ливы часто подвергались нападениям со стороны соседей — эстонцев и латышей, которые боролись против захватчиков, имеющих свои укрепления на территории ливов. Из-за продолжительных войн еще в XIII веке численность ливов очень сильно уменьшилась. На опустевшие земли ливов переселялись главным образом латыши из ближайших соседних местностей. Смешанная ливско-латышская территория все более расширялась. Шаг за шагом латышский язык вытеснял ливский. Есть возможность до некоторой степени проследить, каким образом ливский язык уступал место латышскому в отдельных древнеливских местностях. В XIV и XV веках ливы жили еще в разных местах около Риги и в Сигулде³. Историограф Прибалтики Томас Йерне в 70-х годах XVII века записал в местности, расположенной между городами Лимбажи и Цесис, ряд ливских слов и предложений⁴. В своей хронике он пишет, что по-ливски говорят на Салацком побережье, т. е. в устье реки Салаца и на юг от нее, а также на территории около Лимбажи, Лиелупе, Набе и Вайнажи⁵. Исследователь древностей Лифляндии И. Бёргер пишет в 1778 году, что он по пути из Эргеме в Ригу в регенсбергской корчме лично встретил людей, говоривших на ливском языке⁶. В 1807 году В. Дитмар упоминает о ливах в Вец-Салаце, Светце и на берегах рек Светупе и Салаца недалеко от моря⁷.

В XVIII и XIX веках на реке Салаце было еще столько ливов, что их язык неоднократно записывался разными исследователями, наиболее выдающимися из которых были Х. Яннау и академик А. Шёгрэн. Последний был у ливов в 1846 году. Салацкие ливы окончательно слились с латышами во второй половине прошлого столетия⁸.

³ Joh. Andreas Sjögren's Livische Grammatik nebst Sprachproben. Im Auftrage der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften bearbeitet und mit einer historisch-ethnographischen Einleitung versehen von Ferdinand Joh. Wiedemann, St. Petersburg, 1861, стр. XLVII и сл.

⁴ A. Westren-Doll, Thomas Hiärns Estnisch und Livisch. Sitzungsberichte der Gelehrten Estnischen Gesellschaft 1921, Dorpat, 1922, стр. 39 и сл.

⁵ Th. Hiärne, Ehist-, Lyf- und Lettlaendische Geschichte. Monumenta Livoniae Antiquae I, Riga—Dorpat—Leipzig, 1835, стр. 13.

⁶ J. L. Börger, Versuch über Alterthümer Lieflands und seiner Völker, besonders der Letten, Riga, 1778, стр. 85.

⁷ W. von Dittmar, Disquisitio de origine nominis Livoniae, Heidelberg, 1816.

⁸ A. J. Sjögren, Bericht über eine im Auftrage der Russischen-Geographischen Gesellschaft während der Sommermonate des Jahres 1846 nach den Gouvernements Livland und Kurland unternommene Reise zur genauen Untersuchung der Reste der Liven und Krewingen, Denkschriften der russischen geographischen Gesellschaft zu St. Petersburg I, Weimar, 1849, стр. 453—605. В сокращенном виде путевые заметки А. А. Шёгрена вышли на русском языке: Записки Русского Географического Обще-

В настоящее время население, знающее ливский язык и считающее себя самостоятельным народом, живет в 12 деревнях, расположенных на узкой прибрежной полосе на мысе Курземского полуострова в Вентспилском районе. Две деревни, Мелнсилс (по-ливски *Mustanum*) и Колка (*Kūolka*), расположены на берегу Рижского залива, остальные 10 деревень находятся на побережье Балтийского моря, к западу от мыса Колка. Эти деревни следующие: Вайда (*Vaid*), Саунага (*Sānōg*), Питрага (*Pītrōg*), Кошрага (*Koštrōg*), Мазирбе (*Ire*), Сикрага (*Sīkrōg*), Яунциемс (*Ūžkila*), Лиелирбе (*Īra*), Микельторнис (*Pīza*) и Лужна (*Lūž*). В этих деревнях на ливском языке говорят лишь 500—550 человек. Некоторое количество ливов живет в Дундаге, Вентспилсе, Талси, Риге и в других местах. Можно полагать, что число ливов достигает 800 человек. Ливы сильно пострадали в период немецко-фашистской оккупации. Их выгнали из родного дома и заставляли уходить вглубь страны, где многие старые ливы, всегда говорившие на родном языке, быстро вымирали из-за тяжелых материальных условий. Некоторые ливы погибли в фашистских концентрационных лагерях и на принудительных работах в Германии. Освобождение Красной Армией в 1945 году территории ливов дало местному населению возможность вернуться на прежние места жительства и приступить к строительству новой жизни.

В бывшей Курляндии можно также проследить постепенное исчезновение ливского языка. Еще в XIX столетии ливы жили здесь в Гипке и Рое.

В наше время в ливских деревнях повсюду живут и латыши, а в большинстве деревень латышский язык даже распространен больше, чем ливский. Из молодежи ливский язык хорошо знают лишь несколько десятков человек, а из детей — лишь единицы. Молодежь обыкновенно знает только латышский язык и почти ничем не отличается от своих соседей латышей.

Салацкие ливы называли себя *līb*. В настоящее время ливы в Дундаге называют себя *līvli*, множ. число *līvlist*, или также *gāndali*, множ. число *gāndalist*, т. е. прибрежные, и *kalamīez* мн. ч. *kalamied*, т. е. рыбаки. Латыши называют ливов *lībieši* и *jūrmalieši*, т. е. прибрежные. В эстонском литературном языке этот народ называется *liivlased*. Эстонцы с острова Сааремаа, имеющие непосредственные связи с ливами через море, называют последних *kurelased*, т. е. курши, или *rannakurelased* — прибрежные курши.

Во второй половине XVIII столетия ливами начинают серьезно интересоваться многие исследователи. Одним из первых организаторов исследования ливов и ливского языка был А. Л. Шлётцер. По инициативе Шлётцера пасторы в Мазсалаце, Энгуре и Мазирбе записали ливские слова и предложения, которые были им опубликованы в 1770 году⁹. Ни один из корреспондентов Шлётцера, ни он сам не владели ливским языком. Поэтому во всех этих записях много ошибок. Но все же эти записи очень ценны, так как они впервые дали ученым более полное представление о структуре ливского языка. В начале XIX века некоторые любители записали и издали новые лексические материалы, тексты и грамматические примеры этого языка.

Интересы исследователей ограничивались главным образом языком. Лишь изредка давались некоторые замечания о самих ливах, их быте.

ства II, Санкт-Петербург, 1847, стр. 253 и сл.; Н. J a n n a u, Ueber die Grund- und Ursprache der Ehsten, — Beiträge zur genaueren Kenntniss der ehstnischen Sprache IX, Pernau, 1828.

⁹ J. J. H a i g o l d, Beylagen zum neueränderten Russland II, Riga, 1770, стр. 345 и сл.

Первым ученым, приступившим к научному исследованию ливского языка и ливов, был академик А. Шёгрэн. Он посещал ливов в 1846 и 1852 году. Прежде всего он побывал на берегах р. Салаца и затем направился в Курземе. Шёгрэну сопутствовал художник Петцольд, написавший целый ряд акварелей, имеющих значительную этнографическую ценность. Большая часть этих акварелей хранится в собраниях Географического общества СССР. Некоторые экземпляры находятся в архиве Государственного исторического музея в Риге. Во время своего путешествия Шёгрэн собрал много материала по лексике, морфологии и фольклору. Особенно большое значение имеет пространное описание быта ливов. Данные Шёгрэна о салацких ливах незаменимы, так как после него исследователи на этой территории, занятой исчезнувшими теперь ливами, не появлялись. Салацких ливов в конце XVIII и начале XIX столетия помещики и духовенство преднамеренно уничтожали. Ливов считали колдунами, запрещали им говорить на ливском языке и расселяли их среди латышей для более быстрой ассимиляции.

Шёгрэн умер в 1855 году, не успев подготовить к печати материалы о ливах. Академия наук поручила опубликование материалов академику Ф. И. Видеману. В 1858 году Видеман сам отправился в Курземе, чтобы собрать добавочные сведения и заполнить пробелы, оставшиеся в работе Шёгрэна. Эта общая работа Шёгрэна и Видемана, появившаяся в печати в 1861 году, представляет собой одно из наиболее значительных изданий Академии в области языковедения и этнографии и содержит 883 страницы текста¹⁰. В первом томе этого труда дается также довольно обширный обзор литературы, относящейся к более древним периодам истории ливского народа. С этнографической точки зрения весьма ценными являются сведения о быте ливов, собранные Шёгрэном и Видеманом и дополненные другими исследователями. Здесь приводятся описания образа жизни курземских ливов, их домашнего уклада, общественной организации, отношений с помещиками, одежды, поверий и обычаев, даются образцы народных сказаний, песен и т. д. Второй том представляет собой ливско-немецкий и немецко-ливский словарь с весьма обширным словарным запасом.

Хотя Академия наук и сделала первый шаг в области научного исследования ливского народа, но в дальнейшем ливы все же были ею забыты. Позже ливским языком занимались главным образом финские филологи, опубликовавшие некоторые исследования по исторической фонетике, тексты и новый словарь ливского языка¹¹. Ливский фольклор в большом количестве собирался эстонскими фольклористами. Собранные материалы хранятся в Литературном музее имени Ф. Р. Крейцвальда Академии наук Эстонской ССР в Тарту. Некоторые работы о верованиях и народных песнях ливов были опубликованы в печати.¹² Находящийся в Тарту Эстонский народный музей (теперь Этнографический музей АН ЭССР) собирал этнографические материалы о ливах.

Когда в 1940 году ливы вместе с латышами и другими народами Прибалтики вошли в состав Советского Союза, эстонские и латышские

¹⁰ Joh. Andreas Sjögren's Livische Grammatik nebst Sprachproben. Im Auftrage der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften bearbeitet und mit einer historisch-etnographischen Einleitung versehen von Ferdinand Joh. Wiedemann, St. Petersburg, 1861. Вторая ч.: Livisch-deutsches und deutsch-livisches Wörterbuch, St. Petersburg, 1861.

¹¹ L. Kettunen, Untersuchung über die livische sprache I, Tartu, 1925; E. N. Setälä, Näyteitä liivin kielestä, Helsinki, 1953; L. Posti, Grundzüge der livischen Lautgeschichte, Helsinki, 1942; L. Kettunen, Livisches wörterbuch mit grammatischer einleitung, Helsinki, 1938 и т. д.

¹² См., например, O. Loorits, Liivi rahva usund I—III, Tartu, 1926—1928; O. Loorits, Volkslieder der Liven, Tartu, 1936.

ученые включили в план своей работы всестороннее исследование этой немногочисленной народности. Но нападение Германии на СССР превало намеченную работу на несколько лет. Лишь после 1945 года, когда немецкие фашисты капитулировали на территории ливов, и остатки ливского народа, изгнанные из своих деревень, смогли снова вернуться в родные края, ученые получили возможность продолжать свои исследования. Так, кафедра финно-угорских языков Тартуского государственного университета поставила перед собой в качестве одной из задач всестороннее собирание ливских языковых материалов. Хотя записи ливского языка существовали и раньше, они были все же слишком односторонни. Собирались главным образом лексические и фонетические материалы. Надо было собрать материалы о синтаксисе, морфологии и семантике и пополнить словарный запас. Необходимо было собрать материалы также о латышско-ливских языковых взаимоотношениях. С этой целью Тартуский государственный университет организовал летом 1948—1950 и 1955—1956 годов исследовательские экспедиции в Вентспилский район, где живут остатки ливов, говорящих на родном языке. Работой экспедиций руководили преподаватели Тартуского государственного университета, остальными же участниками экспедиций были студенты, изучающие финно-угорские языки. Собирались не только чисто лингвистические материалы, но и фольклорные, как-то: сказки, предания, народные песни и т. д. Особое внимание уделялось изучению развития языковых и общественных условий в ливских поселениях в течение XIX века, так как данные об этом периоде в более ранних собраниях очень немногочисленны. Были записаны также предания о временах феодализма, о восстаниях ливов против дундагских баронов и т. д. В общем было собрано большое количество разнообразных сведений, которые еще ожидают разработки.

Поселения ливов находятся на дюнах, где почва мало плодородна. Удовлетворительно растет здесь лишь рожь и картофель. Поля представляют собой маленькие, обнесенные забором клочки земли. Луга немного лучше, что дает возможность держать скот и овец. В эпоху феодализма и капитализма ливы были вынуждены покупать хлеб у латышей, живущих во внутренних районах. Главным средством существования у ливов было все же рыболовство. Наиболее распространенной рыбой является камбала и килька. Другие сорта рыбы распространены мало и не имеют хозяйственного значения. Более старая форма рыболовного промысла заключалась в том, что каждая лодка представляла собой отдельное «общество» (*selṭš*). Хозяин лодки или кто-либо из членов «общества» был руководителем. У «общества» были свои неводы и сети. Рыба или делилась между всеми членами поровну, за исключением хозяина лодки, который получал две части, или каждому доставалась та часть улова, которая попадала в принадлежавшую ему сеть. Рыбу везли на продажу во внутренние районы, в крестьянские дворы латышей, мызы и городки, где за нее получали деньги или зерно. Вместе с развитием капитализма шло расслоение и среди самих ливов. В ливских деревнях появились крупные рыбопромышленники, пользовавшиеся наемной силой и скупавшие рыбу для перепродажи. В начале этого века рижские и таллинские консервные фабрики стали посылать в ливские деревни своих представителей, которые заключали договоры с рыбаками и солили и консервировали рыбу прямо на берегу. Более зажиточные ливы приобретали парусные или моторные лодки, на которых плавали сами или нанимали моряков. Развитию мореходства способствовала и морская школа, основанная в селе Мазирбе (по-ливски *Ige*), в центре территории, занимаемой ливами. Но позже, во время первой мировой войны, ливский рыболовецкий флот был

почти совершенно уничтожен. Многие ливы занимались торговлей. Они скупали у эстонцев острова Сааремаа рыбу, скот, кожу и т. п. и отправляли эти товары дальше, в руки рижских предпринимателей. Так как бедняки Сааремаа не могли найти работу на своем острове, то в конце прошлого и в первые десятилетия настоящего века батраки и пастухи стали массами переселяться через пролив, в богатые крестьянские дворы латышей. Роль посредников между рабочими и работодателями выполняла особая прослойка ливских кулаков.

В настоящее время ливские рыбаки объединились в крупные рыбо-ловецкие артели.

В противоположность латышам, ливы жили и живут не на отдельных хуторах, а вместе, в деревнях. Крестьянский двор ливов также до некоторой степени отличается от латышского, что обусловлено иным образом жизни и ведением хозяйства у ливов, не нуждающихся в большом количестве хозяйственных построек. Жилые дома у ливов деревянные, по большей части обшитые досками и выкрашенные в белый, желтый, зеленый или голубой цвет. Против дома, через двор, находятся хозяйственные постройки: хлеб, амбар, сарай, специальный маленький амбар для рыбы на высоких угловых камнях или столбах, который в более позднее время был заменен погребом. Рыбный амбар иногда располагался на берегу в отдалении от дома. На берегу, вблизи причала, расположены и сараи для сетей. Между домом и хозяйственными постройками обыкновенно находится покрытый дерном двор, который содержится в чистоте. Все постройки окружены низким забором. На некотором расстоянии от построек находится рига, обычно тоже обнесенная забором. При жилых постройках в некоторых дворах имеются небольшие фруктовые сады, большей же частью только цветники. В более зажиточных хозяйствах жилой дом состоит из двух, трех и более комнат, с оклеенными обоями стенами и крашеными полами. В некоторых более старых домах можно видеть прежнюю, выкрашенную в зеленый или красный цвет и украшенную цветочным узором мебель, но в большинстве домов она напоминает мелкобуржуазный стиль. Более бедные дома обыкновенно состоят из передней-кухни и комнаты. У ливов, как и у соседних латышей, печки низкие и облицованы изразцами.

Мужская национальная одежда у ливов вышла из употребления уже давно (два-три поколения тому назад), у женщин она сохранилась дольше. У пожилых женщин она хранится в сундуках и надевается в торжественных случаях, как, например, на свадьбу. Некоторые молодые женщины и сейчас шьют себе национальные костюмы и надевают их во время демонстраций, вечеров самодеятельности, певческих праздников и т. д. Ливский хор из Мазирбе на последнем республиканском празднике песни в Латвийской ССР обратил на себя внимание именно благодаря красивой национальной одежде. Ливский женский национальный костюм состоит из юбки с узкими разноцветными полосками, одноцветного — красного или синего — корсажа, который надевается на белую рубашку. На шее очень пестрый (покупной) платок. Грудь украшают такие же застёжки и пряжки, как и у латышек. Иногда носят и медные цепочки. На голове низкая, расшитая пестрым цветочным узором шапочка. На плечи наброшен такой же большой платок, как и у латышек.

Ливы все больше сливаются с латышами. С каждым годом все более стираются различия между этими двумя народами. Наиболее ярко своеобразие ливов отражается в их современном фольклоре. Большинство народных сказаний ливов связано с морем. О живущем в море «морском народе» (mier-goiz) существует целая серия рассказов: о том, как морские люди пасут своих коров на синем берегу, зовут рыбаков к себе на

свадьбу («Морская свадьба» — вообще любимая сказка ливов), помогают прилежным рыбакам и наказывают ленивых и нерадивых и т. д. Популярны также поверья и рассказы о «волколаках» (*vīlkatōkst*), об особых духах — колдунах, которых называют «холодные башмаки» (*kūlma-kāngad*), и о богатыре «Великом Теле» (*Sūr Teļ*). Разумеется, что в ливских поверьях и сказках много общего и с соответствующими латышскими поверьями и сказками. Ливская народная сказка бытует и поныне. Ливские народные песни в общем имеют большое сходство с латышскими, но имеются и такие песни, которые латышам неизвестны.

У ливов существует небольшая литература на родном языке, начало которой положено с помощью академика Ф. И. Видемана. Первая ливская книга издана в 1863 году. Первыми ливскими писателями были учителя Н. Полман (*Nika Polman*) и Я. Принц (*Jāņ Princ*). Немногочисленные литературные произведения прошлого столетия имеют исключительно религиозный характер. В XX веке, кроме церковной литературы, издавались также хрестоматии, книги для детей, песенники, календари и разные небольшие книжечки, а также газета «*Līvli*» («Лив»).

В настоящее время ливов отделяет от их соседей — латышей в основном различие языков. Ливский язык вместе с эстонским и водским составляют южную группу прибалтийско-финских языков; финский, карельский, ижорский и вепский составляют северную группу. Ливский язык гораздо ближе к эстонскому языку, чем латышский язык к литовскому. Поэтому лив и эстонец могут довольно хорошо понимать друг друга.

На окончательное формирование ливского языка оказали весьма сильное влияние языки балтийских племен, а позднее именно латышский язык. Во всех прибалтийско-финских языках имеется много древних заимствований из балтийских языков. Но больше всего этих заимствований все же в ливском языке. Эти древние заимствования важны также с точки зрения изучения истории латышского языка, так как в них сохранились многие древние фонетические черты балтийских языков, например слова *palandōks* 'голубь', латыш. *balodis*, лит. *balandis*; *kill* 'зеленый дятел', латыш. *dzilna*, *dzilnis* (< древней формы **gilna*); *vāgal* 'налим', латыш. *vēdzele*, лит. *vėgėlė*; *kōidaz* 'бердо', латыш. *šķiets*, лит. *skietas* (ливский язык показывает, что древняя балтийская форма была **skeitas*) и т. д. Древние заимствования из балтийских и латышского языков, встречающиеся в ливском языке, получили прибалтийско-финский фонетический облик, т. е. полностью ассимилировались с тем словарным составом, который был унаследован ливским языком из общего прибалтийско-финского словарного фонда, например *krežiļ* 'корзина' < латыш. *grezele*; *tūr* 'угол' < *stūris*; *rāibō* 'српбать' < *grābt*; *plaka* 'клоп' < *blakts*; *juddōrz* 'рыжик' < *judras* и т. д. Однако большинство имеющихся в ливском языке латышских заимствований имеет такую фонетическую структуру, которая не является типичной для прибалтийско-финских языков, а образовалась под влиянием фонетики латышского языка: *daļa* 'часть' < *daļa*, *dzīzlōz* 'жила' < *dzīsla*, *gūod* 'честь' < *gods*, *znuot* 'зять' < *znots*, *nēžōd* 'коромысло' < *nēši*, *sprādž* 'пряжка', < *sprādze* и т. д. Как известно, ливский язык оставил свои следы и в латышском языке, оказав на него особенно сильное влияние в части лексики и менее сильное в части фонетики и грамматики. Однако перевес оказался на стороне латышского языка, так как территория ливского языка все более суживалась и продолжает суживаться и в настоящее время. Этот процесс будет происходить до тех пор, пока ливский язык не будет окончательно вытеснен латышским языком. Ливский язык находится на том этапе развития, когда количество имеющихся в нем латышских элементов все воз-

растает. Сфера бытования ливского языка очень узкая: она ограничивается пределами домашнего обихода какого-нибудь десятка деревень.

Грамматический строй ливского языка в основном тот же, что и в эстонском, водском, финском и других прибалтийско-финских языках. Система ливского склонения и спряжения отличается от систем других прибалтийско-финских языков лишь некоторыми деталями. В области словообразования также имеются лишь отдельные черты, не известные другим прибалтийско-финским языкам. Наибольшее влияние латышского языка на ливскую грамматику сказывается в системе глагола. Так, например, из латышского языка заимствованы префиксы: *võttõ* 'взять' — *aizvõttõ* 'заимствовать, отнять' (латыш. *ņemt* — *aizņemt*); *tiedõ* 'делать' — *aptiedõ* 'окружить' (латыш. *taisīt* — *aptaisīt*); *umblõ* 'шить' — *izumblõ* 'вышить' (латыш. *šūt* — *izšūt*); *kandõ* 'нести, носить' — *pakandõ* 'вынести, перенести' (латыш. *nest* — *panest*); *vodlõ* 'ожидать' — *savodlõ* 'обождать' (латыш. *gaidīt* — *sagaidīt*) и т. д.

В ливский язык проникли некоторые латышские суффиксы, как, например, *-īgs*, *-ums*, *-ība*: *āndig* 'щедрый' (*āndab* 'он дает'); *pūdõm* 'чистота' (*pūdõz* 'чистый'); *kovalib* 'ум' (*koval* 'умный').

Можно установить ряд латышских черт и в области синтаксиса ливского языка. Так, например, 3-е лицо единственного числа употребляется вместо прибалтийско-финского имперсонала: *ku um jõva āiga, siz veijõb kallõ* 'когда хорошая погода, то ловят рыбу' — слово *veijõb* значит 'он ловит' и 'ловят'. Все остальные прибалтийско-финские языки имеют особые формы имперсонала, например эст. *püüab kala* 'он ловит рыбу' и *püütakse kala* 'ловят рыбу'. В латышском языке *zvejo* значит 'он ловит' и 'ловят'. Кроме словарного состава, латышское влияние сказывается сильнее всего на звуковой системе ливского языка. Фонетическое влияние латышского языка прослеживается уже в далеком прошлом и продолжается в настоящее время. Так, например, еще в текущем столетии гласные *õ* и *ü* делабиализовались в *e* и *i*, так как латышский язык не знает лабиальных *õ* и *ü*. В начале этого столетия говорили: *südam* 'сердце', *küla* 'деревня' *gõptõ* 'трясти', а сейчас употребляются формы *sidam*, *kila*, *reptõ*.

В ливском языке имеется ряд фонетических явлений, развившихся параллельно в ливском и латышском языках. К таким фонетическим явлениям относится, например, переход смягченных *š*, *ž* и *č* (= *l'š*) в *š*, *ž* и *č*: *māškõz* (< **māšik*) 'земляника', *tāuž* (< **tāuš*) 'полный', *vočšõ* (< **ol'si* 'искать' и т. д.; ср. латыш. *šūt*, лит. *siuti* 'шить', латыш. *lācis* 'медведь', род. пад. *lāča* < **lāča*). Как латышскому, так и ливскому языкам свойственна сходная интонационная система. В фонетическом отношении ливский язык в наибольшей мере отошел от других прибалтийско-финских языков.

Несмотря на сильное влияние латышского языка, ливский язык все же остался типичным финно-угорским языком.

Ливский язык сыграл немалую роль в формировании латышского языка. Ливы, которые перешли на латышский язык, сохранили в своей речи многие ливские слова, выражения и грамматические особенности, которые позднее могли распространиться и на исконно латышские области. В латышских диалектах с ливскими элементами число последних постепенно уменьшается. Если в тех местах, где ливский язык вымер, ливы владели наряду с латышским языком еще и ливским, то их латышский язык был очень сильно ливонизирован. Дундагский пастор Я. Ф. Бункау характеризует в 1721 году латышский язык ливов в своем стихотворении

о Дундаге в следующей форме (параллельно приведен тот же отрывок песни в нормальной форме латышского языка):¹³

Weija ne irr, wehtra peefsch, Zvejas nav, vētra spiež,
pehka peetruhkīt, ko buhs darriht? spēka pietrūkst, ko būs darīt?
Mums tas tohrmis ja iszeešch. Mums tas stormis jāizcieš.

— Улова нет, буря давит, не хватает силы. Что нужно делать? Мы должны вытерпеть эту бурю.

Латышский язык ливов характеризуется неправильным употреблением отрицательной формы глагола *būt* (*ne ir*, вместо *nav*) и выпадением согласных в начале слова. Созревшие ливы значительно лучше владеют латышским языком, но и их язык отличается во многом от языка соседей, говорящих только по-латышски. Приведу пример латышской речи одной ливской старушки из деревни Мазирбе:

teī cīeme ir doūdz mājās. tē runē lībisk un latvīsk. te ir vāirāk latvieš nekka lībieš. mūs cīeme ir slikt zēm, smilkiāns. ka ņou līec, tad iškālst viš. mās dzīve nūo jur. tur zveījuo zīvās. tūos pārduod un tad dabē noud. muīs katram ir vīen guōuw. es dzīvuo šinī ištābā diūdešmit gād, ess ir sliīms cilvāks. mah jāgul gulīta. mann ir švakš sīrc. ess ir seždešmit septiīn gād vāč. man mās ir vācāk biš pār mān. brālī tie ir nūomirūš. tie bi doūdz joūnāks.

В латышском литературном языке приведенному примеру латышского диалекта ливов соответствует:

Tai ciemā ir daudz māju. Še runā lībiski un latviski. Še ir vairāk latviešu nekā lībiešu. Mūsu ciemā ir slikta zeme, smilšaina. Kad nav lietus, tad izkalst viss. Mēs dzīvojam no jūras. Tur zvejo zivis. Tās pārdo un tad dabū naudu. Mums katram ir viena gov. Es dzīvoju šinī istabā divdesmit gadus. Esmu slims cilvēks. Man jāguļ gulītā. Man ir vāja sirds. Esmu sešdesmit septiņus gadus veca. Mana māsa ir bijusi vecāka par mani. Brāļi, tie ir nomiruši. Tie bija daudz jaunāki.

— В этой деревне много домов. Здесь говорят по-ливски и по-латышски. Здесь больше латышей, чем ливов. В нашей деревне плохая земля, песчаная. Когда нет дождя, так всё высохнет. Мы питаемся морем. Там ловят рыбу. Ее продают и тогда получают деньги. У нас у каждого одна корова. Я живу в этой комнате двадцать лет. Я больной человек. Я должна лежать в кровати. У меня слабое сердце. Мне 67 лет. Моя сестра была старше меня. Братья, они умерли. Они были гораздо моложе меня.

В латышском диалекте ливов имеются некоторые ливские звуки, как, например, редуцированное *ə* и звук *o*, близкий к эстонскому среднеязычному гласному *õ*. Гласному *e* латышского национального языка соответствует в этом диалекте ливско-эстонский гласный *ä*, который образуется при очень низком подъеме спинки языка. Отношения долгот звуков и интонации напоминают отношения долгот и интонации ливского языка. Ливы путают грамматический род латышского языка, так как категория грамматического рода неизвестна ливскому языку, и т. д. В словарном составе латышского языка ливов много ливских слов, как, например, *duīb* 'рыба *cyprinus ballerus*' < ливское *dūrba* (партитив *duībē*), *id* 'ce-

¹³ J. F. Bunkau, Dondangen, besungen im Jahre 1721, «Das Inland», Dorpat, 1855, стр. 236. Здесь песня приводится по копии академика Шёгрена (Архив Академии наук СССР, ф. 94, оп. I, № 132), так как в журнале «Das Inland» много ошибок. Одна копия песни Бункау имеется в библиотеке Тартуского государственного университета (XIII в. 71, 2).

веро-восток' < *idà, jād* 'ряд сетей' < *jadà, eš joūd* 'я могу' < *joūdā, jèdals* 'юг' < *jedàl, jūoms* 'глубокая вода между песками' < *jūom, kaņgars* 'холм' < *kāņgar, kovàls* 'хитрый' < *kovàl, māgars* 'восток' < *māgār, lïem* 'внутренняя кора дерева' < *lïem, vēžgars* 'запад' < *ve'žgār* и т. д.

Ливы и латыши жили бок о бок в течение многих столетий как добрые соседи. Антагонизм между ливами и латышами в Дундаге стал проявляться лишь с ростом капиталистических отношений, когда начала складываться латышская нация. Противоречия тем более обострялись, чем напряженнее становились отношения между антагонистическими классами в деревне. Ливы были в основном рыбаками и моряками, добывавшими себе пропитание собственным трудом, тогда как в расположенных за лесами крупных латышских хуторах быстро дифференцировалось кулачество, которое стало угнетать ливских и латышских рыбаков и других малоземельных и безземельных жителей побережья. Начиная с периода латышского национального движения, остатки ливской народности сливаются с латышской нацией. В противоположность латышам и эстонцам, история ливов не знает своей эпохи национального движения. В настоящее время у ливов имеется общая с латышами территория, в широком смысле слова, общая экономическая жизнь и общий психический склад. Поэтому вполне понятно, что несколько сот ливов, еще сохраняющих в обиходе свой язык, в конечном счете сольются с латышской нацией.

Поступила в редакцию
7 II 1957

LIIVLASED JA LIIVI KEEL

P. Ariste,
ENSV TA akadeemik

Resüme

Liivlased on vanu läänemere rahvaid, kes juba I aastatuhande keskpaiku enne meie ajaarvamist olid kujunenud iseseisvaks etniliseks tervikuks. Liivi rahvas pole kunagi olnud arvurikas ja juba XIII sajandil oli alanud tema assimileerumine läti rahvaga. On olemas ürikulisi andmeid selle kohta, kuidas liivi keel taganes samm-sammult läti keele eest. XIX sajandi esimesel poolel oli liivi keele oskajaid veel Salatsi jõe suudmeski. Tänapäeval on järele jäänud umbes 500 liivi keelt kõnelevat kalurit, kes elavad Läti NSV-s Ventspilsi rajoonis.

Ventspilsi rajoonist ja Salatsi liivlastelt on olemas kirjanekuid alates XVIII sajandi keskpaigast. Viimastel aastatel on liivi keeleandmeid üsna ohtrasti kirja pannud Tartu Riikliku Ülikooli soome-ugri keelte kateedri kollektiiv. Hoolega on kogutud ka liivi rahvaluulet. Liivlaste muinasjuttudes, uskumustes ja lauludes on ohtralt selliseid jooni, mis on tüüpiliselt omased just sellele rahvale. Etnograafiliseltki on liivlastel erinevusi lätlastest ja eestlastest.

Liivi kirjakeel loodi akadeemik F. J. Wiedemanni algatusel. Esimene liivikeelne raamat ilmus 1863. aastal. Kokku on liivi keeles ilmunud paarkümmend raamatut, ajakiri „Liivi” ja mitmesuguseid juhutrukiseid.

Liivlastel on vanast ajast olnud tihedaid kokkupuuteid balti hõimude ja rahvastega, hilisemal ajal just lätlastega. Läti keelest on liivi keelde siirdunud ohtrasti laensõnu ja isegi morfoloogilisi elemente. Samuti on läti keel tugevasti mõjutanud liivi keele foneetilisüsteemi. Läti keele mõju suureneb üha edasi.

Liivlased on lätlaste hulka sulades mõjutanud omalt poolt ka läti keelt, milles on liivi laensõnu ja mille foneetikas leidub liivipäraseid jooni. Aladel, kus alles hiljuti kõneldi liivi keelt, on läti keeles õige tugev liivi substraat. Liivi külades kõneldava läti keele kohta on artiklis esitatud lühike tekstinäide.

Saabus toimetusse
7. II 1957

DIE LIVEN UND DIE LIVISCHE SPRACHE

P. Ariste,

Mitglied der Akademie der Wissenschaften der Estnischen SSR

Zusammenfassung

Die Liven sind ein altes ostseefinnisches Volk, das schon Mitte des ersten Jahrhunderts vor unserer Zeitrechnung eine selbständige Volkseinheit bildete. Das livische Volk war nie zahlreich; im 13. Jh. begann bereits seine Assimilation durch die Letten. Es gibt urkundliche Angaben darüber, wie die livische Sprache vor der lettischen Schritt für Schritt wich. In der ersten Hälfte des 19. Jh. gab es an der Salatsi-Mündung noch Leute, die des Livischen kundig waren. Heutzutage gibt es nur etwa 500 livisch sprechende Fischer, die im Ventspilser Bezirk der Lettischen SSR ansässig sind.

Von den Liven aus dem Ventspilser Bezirk und Salatsi gibt es Aufzeichnungen seit Mitte des 18. Jh. In den letzten Jahren ist vom Kollektiv des Katheders der finnougrischen Sprachen der Staatsuniversität Tartu besonders reiches linguistisches und folkloristisches Material geborgen worden. In den Märchen, Liedern und in der Mythologie der Liven sind viele Züge vorhanden, die nur diesem Volk eigentümlich sind. Sogar vom ethnographischen Standpunkt aus unterscheiden sich die Liven von den Letten und von den Esten.

Die livische Schriftsprache wurde auf Akademiker F. J. Wiedemanns Initiative geschaffen. Das erste livische Buch erschien 1863. Insgesamt sind in der livischen Sprache an die zwanzig Bücher herausgegeben worden, die Zeitschrift „Līvli“ und einige gelegentliche Publikationen.

Die Liven hatten von je her enge Beziehungen zu den baltischen Volksstämmen und Völkern, in späteren Jahren besonders zu den Letten. Aus dem Lettischen sind ins Livische zahlreiche Lehnwörter und sogar morphologische Elemente übergegangen. Die lettische Sprache hat auch das phonetische System des Livischen stark beeinflusst. Der Einfluss des Lettischen wird stets stärker.

Indem sie mit den Letten verschmolzen, beeinflussten aber auch die Liven ihrerseits die lettische Sprache, so dass sie livische Lehnwörter und phonetische Eigentümlichkeiten aufweist. In den Bezirken, wo noch vor kurzem Livisch gesprochen wurde, ist im Lettischen ein starkes livisches Substrat nachzuweisen. Im Anhang des Artikels findet sich ein Text, der eine Vorstellung von der in livischen Dörfern gesprochenen lettischen Sprache gibt.

Eingegangen
am 7. II 1957